

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-129-143

УДК 811.161.1'37 :811.221.18

РЕГУЛЯТИВНОСТЬ НЕЙТРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В КОНТЕКСТЕ АВТОРСКОГО ИДЕОСТИЛЯ

Моргоева Л.Б.

***Цель.** Статья посвящена изучению механизмов возникновения коннотативных смыслов в семантике собственно нейтральных лексических единиц в контексте авторского использования. Речевая деятельность помимо выполнения своих основных функций, направленных на установление контакта с реципиентом и воздействие на него, способна регулировать эти процессы при помощи различных языковых средств. Автор ставит целью рассмотреть способы использования лексических единиц в качестве контекстных регулятивов и результат их воздействия на читателя.*

***Метод или методология проведенной работы.** Используются методы структурно-семантического анализа и обобщения.*

***Результаты.** Для выявления механизмов появления коннотативных смыслов в стилистически нейтральных лексических единицах проанализированы тексты монологического и диалогического типов, в которых в качестве регулятивов выступают различные грамматические формы вербальных единиц осетинского языка. Рассмотрение текстов одного автора позволило выявить особенности авторского идеостилья и способности языковых единиц расставлять регулятивные акценты в тексте. В ходе анализа выявлены основные способы активизации и усиления внутренних денотативных смыслов, основным из которых является морфолого-синтаксический повтор одной и той же лексемы, выстраиваемый с сохранением определенной последовательности. Контекстный анализ выявленных повторов позволяет определить закономерности их использования внутри текста и обозначить функциональные особенности регулятивной направленности с учетом типовой классификации. На*

основе проведенного анализа выявлены три типа схематического выстраивания повторов, условно обозначенных как линейный, перекрестный и смешанный. Каждый из этих типов построения направлен на выполнение определенных прагматических задач, при достижении которых осуществляется воздействие конкретного типа, при котором стилистически нейтральные глаголы выступают в качестве регулятивов.

Область применения результатов. Результаты проведенного исследования могут послужить для более глубоко и детального анализа контекстной семантики вербальной лексики осетинского языка, а также при изучении вопросов коммуникативной стилистики, в том числе с привлечением смежных дисциплин.

Ключевые слова: контекстная семантика; глагол; повтор; регулятивность; осетинский язык

REGULATION POTENTIAL OF NEUTRAL VOCABULARY IN THE CONTEXT OF THE AUTHOR'S IDEOSTYLE

Morgoeva L.B.

Purpose. The article is devoted to the study of the mechanisms of the emergence of connotative meanings in the semantics of proper neutral lexical units in the context of the author's use. Speech activity, in addition to performing its main functions aimed at establishing contact and impact, is able to regulate these processes using various linguistic means. The author aims to consider the ways of using lexical units as contextual regulations and the result of their impact.

Method or methodology of the work performed. The methods of structural-semantic analysis and generalization were used.

Results. To identify the mechanisms of the appearance of connotative meanings in stylistically neutral lexical units, the texts of monological and dialogical types were analyzed, in which various grammatical forms of verbal units of the Ossetian language acted as regulators. The analysis revealed the main ways of activating and strengthening internal

denotative meanings, the main of which is the morphological and syntactic repetition of the same lexeme, maintained with the preservation of a certain sequence. The contextual analysis of the identified repetitions made it possible to determine the patterns of their use within the text and to identify the functional features of the regulatory orientation, taking into account the typical classification. The study demonstrated three types of schematic alignment of repetitions, conventionally designated as linear, crossover and mixed. Each of these types of construction is aimed at achieving certain pragmatic tasks, upon the achievement of which a specific type of influence is carried out, where stylistically neutral verbs act as regulators-concepts.

Scope of the results. *The results of the study can serve for a deeper and more detailed analysis of the contextual semantics of the verbal vocabulary of the Ossetian language, as well as in the study of issues of communicative stylistics, including with the involvement of related disciplines.*

Keywords: *context semantics; verb; repetition; regulation potential; Ossetian language*

Язык как мощнейшее средство «коллективной координации поведения» [3, с. 95] способен выполнять в обществе «регулятивную функцию, которая обеспечивает согласованную деятельность индивидов «как по отношению друг к другу, как и по отношению к окружению» [2, с. 41]. Вместе с тем основной функцией речи остается коммуникативная, при которой передача сообщения сопровождается воздействием на себя и на других людей. Именно намерение воздействовать, характерное для коммуникативной функции языка/речи, говорит о регулятивности.

Регулятивность как системное качество текста, выраженное в способности управлять познавательной деятельностью читателя [11, с. 6] присутствует в каждом тексте, поскольку любой текст направлен на воздействие на адресата тем или иным образом. Прагматическая направленность текста определяет способы и средства, используемые для такого воздействия. Исходя из коммуникативных установок, стоящих перед говорящим, степень этого воздействия

может быть разной в зависимости от стиля изложения и жанровых особенностей.

Следует отметить определенные признаки с сходства с экспрессивностью, которая так же зависит от прагматических задач и направлена на воздействие. Однако регулятивность не может быть компонентом экспрессивности [7], тогда как последняя может присутствовать в языковых средствах, направленных на регуляцию, т.е. быть средством управления познавательной деятельностью, вызываемой и формируемой конкретным автором. В этом случае можно говорить о созависимости и взаимосвязи этих лингвистических категорий, относящихся к коммуникативной стилистике. Следуя развивающейся концепции регулятивности художественного текста, которая базируется в основном на диалогической форме речи, отметим, что определенным образом организованная «речемыслительная деятельность автора» [8, с. 53] является процессом, протекающем во всех формах художественного изложения мысли, при котором «сотворчество автора с читателем проявляется в организации этой деятельности [на уровне высказывания, блока высказывания и целого текста] [Там же, с. 56].

В литературной прозе не только диалоги героев, но и повествовательные части зачастую представлены как внутренний диалог персонажа с собственным «Я». Для передачи внутренних переживаний героя, эмоционального состояния и хода размышлений используются множество разнообразных стилистических приемов. Однако излюбленным приемом многих осетинских писателей является стилистический повтор, который заслуживает особого внимания, поскольку выполняет важную регулятивную функцию. При помощи повторов выстраиваются длинные последовательные или пересекающиеся цепочки глаголов, которые создают мощную экспрессивную атмосферу в тексте. Причем, особенностью таких повторов является то, что благодаря этому приему экспрессивными становятся даже эмоционально ненагруженные, семантически нейтральные глагольные формы. Разберем их по типам стилистического построения.

I. К первому типу относятся тексты, представленные синтаксически связными и последовательно выстроенными конструкциями с повтором одного и того же глагола в одинаковых или разных грамматических формах, который условно можно назвать *линейным*:

Аема йае каеуын нал баурæдта Асбар. Лæууыди 'мæ куыдта. Хъæрæй нæ куыдта, фæлæ сабыр дæр нæ куыдта. Афтæ куыдта. Дыууæ кауы астæуты чи фæцæйцыдаид, уый базыдтаид – уартæ Гыриты нартхоры чидæр каеуы. Стæй бафæллад лæууынæй, аема йæм афтæ фæзынд – каеугæ кæй кæны, уымæн бафæллад, сæндæра каеугæ куынае кæнид, уæд нæ бафæлладаид. [12, с.19]. «И не сдержал Асбар свой плач. Стоял и плакал. Плакал не громко, но и не тихо плакал. Проходящий между двух оград понял бы, что среди кукурузы Гириевых кто-то плачет. Потом устал стоять и ему показалось – устал из-за того, что плачет, если бы не плакал, так бы не устал» (здесь и далее перевод наш – Л.М.).

Графически выделенные нами формы глагола *каеуын* «плакать» наглядно демонстрируют частоту его использования в представленном отрывке. Такой способ построения текста дает возможность автору воздействовать на читателя определенным образом, выдвигая на передний план конкретное действие и его значимость в отдельно взятом дискурсе. В данном контексте глагол *каеуын* «плакать» поневоле становится экспрессивным, с той лишь разницей, что экспрессивность возникает не за счет внутреннего эмоционального содержания и коннотативных компонентов слова, а благодаря стилистическому усилению и интенсивности, которая достигается при помощи повторов, активизирующих денотат.

При таком построении синтаксических конструкций можно говорить о некой «принудительной» экспрессивизации самой вербальной единицы, когда контекстуально автор как бы доходит до глубинной семантики слова и доводит ее до уровня концептуального значения. И по достижении этой «цели» у читателя активизируется национальный стереотип 'мужчины не плачут', который приобретает более четкие очертания культурного концепта. «Несмотря на то, что каждый человек постигает мир самостоятельно, он при

этом использует общественный опыт. В ходе социализации человек принимает характерную для данного общества систему концептуальных стереотипов, принятые в этом обществе нормы мышления, нормы оценок и поведения» [10, с. 86]. Регулятивность в данном случае заключается в «сотворчестве», к которому автор привлекает читателя, с опорой на подобные «узловые точки» совместно воссоздавая «не только личностные смыслы и культуру общества, но и разные смысловые области опыта, разные знания и переживания», соотносимые в единой системе как «параметрические и непараметрические концепты» [6, с. 97].

II. Другой способ использования повторов можно охарактеризовать как *перекрестный*, при котором повтор одного глагола на протяжении всего отрывка пересекается с повторами других слов:

Ныр тагъд баталынг уыдзæн, æмæ схуысса, кæддæра йын æцæг *азарид* Зæлидæ. *Азардзæн* ын, нæ йын *фауыдзæн æнæ азаргæ*. Нартхоры хъæдты 'хсæн слæудзæн æмæ *зардзæн*. Хъæрæй нæ *зардзæн*, æмæ цæмæн *хъæуы хъæрæй зарын!* Сабыр куы *зара*, уæд æм ноджы хуыздæр куы *байхъусдзæн*. Æмæ йæм, зæгъæм, уый *байхъуыста*, Кола, уæд та? Зæгъæм, æддæмæ рацыди, тыргъмæ, уæд æм нæ *байхъусдзæн?* Куыд нæ йæм *байхъусдзæн?!* Æмæ йын уæд афтæ нæ зæгъдзæн: уыдон дын цыхуызæн *зердтытæ сты*, мæнæ чызг? Куыд нæ йын *зæгъдзæн?!* Æмæ уæд цы *хъуамæ зæгъа* Зæлидæ?! Ноджы уыцы зарæг! Никуы йæ *хъусгæ фæкодта*, никуы йæ кæсгæ бакодта! Иухатт ын дзы гыццыл *азарыд*, цыма йæ уымæн нæ *зарыд*, цыма йæ æнæуи *зарыд*, афтæ. Дыууæ рæнхъы йын дзы *азарыд* æви иу рæнхъ æмæ 'рдæг... Фылдæр ын дзы кæй нæ *азарыд*, уымæ гæсгæ йæм йæ *хъус не 'рдардта*. [12, с. 17-18]. «Теперь быстро стемнеет, и он ляжет, интересно Залида и правда ему *спела* бы. *Споет* ему, не уйдет, не *спев*. Встанет среди стеблей кукурузы и *будет петь*. *Петь* будет не громко, и зачем надо громко *петь!* Если будет тихо *петь*, то до него еще лучше будет *доноситься* (*слышаться*). А, скажем, он ее *послушает*, Коля, тогда что? Скажем, вышел на улицу, на крыльцо, то не *послушает?* Как не *послушает?!* И тогда не скажет ей: что это за *песнопения* у тебя, девочка? Как ей не

скажет?! И тогда что должна сказать (в ответ) Залида?! Еще эта песня! Ни услышала где-то, ни прочитала! Однажды немного спела так, будто не ему пела, будто просто так пела. Две строчки ему из песни спела или строчку с половиной... из-за того, что спела не больше, он и не обратил внимания».

В данном отрывке интересна линейка словоформ *азарид* «пела бы» – *азардзæн* «споет» – *нæ фæуыдзæн æнæ азаргæ* «не применит спеть» – *зардзæн* «будет петь» – *зардзæн* «будет петь» – *хъæуы зарын* «надо петь» – *зара* «пусть поет» – /X/ – *азарыд* «спела» – *зарыд* «пела» – *зарыд* «пела» – *азарыд* «спела». В обозначенном нами знаком X идет пересечение с линейкой словоформ *байхъусдзæн* «послушает» – *байхъуыста* «послушал» – *байхъусдзæн* «послушает» – *байхъусдзæн* «послушает» – *хъусгæ фæкодта* «слышать слышал» – *хъус не 'рдардта* «не обратил внимания (букв. ухо не направил)».

Такой вид использования повтора автору дает возможность при помощи всего двух слов создать еще один план содержания, который можно условно выразить как 'умеет петь и спела', но с учетом «точки пересечения» с так называемой второй линией мысли основная тема претерпевает некоторые видоизменения и выражается как 'спела – послушали'.

С позиций когнитивной лингвистики данные линейные пересечения напоминают матрицу, на которую нанизываются эмоционально оформленные описания мысли и рассуждений на определенную тему. Иными словами, выделенные нами линейные ряды глагольных словоформ позволяют наглядно продемонстрировать процесс, который происходит в действительности и процесс, который говорящему представляется желаемым. Противопоставление «действительного» внутренне «ожидаемому», выраженному в логической цепи словоформ, есть ни что иное, как конфликт двух планов содержания (явного и скрытого), что всегда сопровождается яркой экспрессией. И важную функцию при этом выполняют именно повторы, поскольку «эмоционально-оценочная реакция на различные ситуации в осетинском языке (в разговорной речи) выражается повторами слов, словосочетаний и т.д. Они помогают пере-

дать также психологическое состояние говорящего. Повтор в этом случае имеет экспрессивный характер» [14, с. 95]. Концептуальное значение анализируемого отрывка может быть сформулировано антагонистской парой ‘зарын – хьусын’ «петь – слушать», где каждый из компонентов может иметь свое концептуальное поле (например, *хьусын* «слушать» – *хьус аердарын* «ухо направить»).

III. На примере еще одного отрывка из того же произведения рассмотрим *смешанный тип повторов*, который иллюстрирует сформулированное нами утверждение о пересечении нескольких концептуальных полей. Так, «лексические регулятивные структуры, основанные на стилистическом приеме синтаксического параллелизма, соотносятся преимущественно с регулятивами-концептами, в то время как регулятивные цепочки — с регулятивами-локативами» [9, с. 223]. Осмелимся предположить, что повтор как стилистический прием также соотносится с концептами-регулятивами на примере следующего текста:

Гъеныр Колаимæ куы ахуыр кæнид йæ уроктæ, уæд-иу ын нæ **азарид** Зæлидæ! Æмæ-иу нæ **бафынæй уайд!** Ныр, цымæ, æцæг **бафынæй уайд**, Зæлидæ йын куы **азарид**, уæд? **Бафынæй уайд**, цæмæннæ **бафынæй уайд!** Æмæ йæм *æрбайхъуысид* йæ *зарын?* Æцæг æм *æрбайхъуысид?* *Æрбайхъуысид* æм, уымæн æм *æрбайхъуысид*, æмæ уымæн **зарид**, æрмæст уымæн. Æндæр æм ничи **хъусид**, *байхъуыны* бар æм никамæн уайд. Æмæ **афынæй уайд**. Уый хуызæн дзæбæх чызджы зарæджы **зæрдмæ цы афынæй уай**, уымæй уд сыгъдæг кæны, зæрдæ — фидар. Дзæгъæлы куына **фæзары мад йæ сывæллоан йæ афынæйы агъоммæ!** [10, с. 35]. «Вот если бы он делал уроки с Колей, разве не *пела бы* ему (постоянно) Залида! Разве не *засыпал бы!* Вот, интересно, правда *бы заснул*, если *бы* Залида ему *спела?* *Заснул бы*, почему *бы* не *заснул!* А *доносилось (услышал)* *бы* до него ее *пение?* Правда *бы доносилось (услышал)?* *Услышал бы*, потому *бы услышал*, что ему *бы пела*, только ему. Больше *бы* никто ее не *слышал*, ни у кого *бы* не было права ее *слушать*. И *уснул бы*. Под *пение* такой красивой девушки *уснуть* означает, что душа очищается, а сердце крепнет. *Не даром мать поет ребенку перед сном!*».

В данном отрывке мы наблюдаем предыдущую регулятивную пару *зарын – хъусын* «петь – слушать», к которой присоединяется еще третья линейка, представленная практически одной глагольной формой сослагательного наклонения *бафынаей уаид* «уснул бы». В этом тройном пересечении повторов центральным является глагол *фынаей каенын* «спать», а использованные в тексте формы сослагательного (условного) и желательного наклонений будут выступать как усилители ожидаемого результата, на котором сконцентрирована основная мысль. Это становится возможным благодаря тому, что «в современном осетинском языке формами желательного наклонения (оптатива) можно выразить обусловленное действие и, наоборот, формами условного наклонения (конъюнктива) – желание» [1, с. 306-308; 5, с. 250].

Используя предыдущую форму демонстрации, представим данный вариант повторов как логически последовательную цепь действий *зарын – хъусын – афынаей уын* «петь – слушать – уснуть». Так же, как и в самом тексте, в данной схеме отсутствует конфликт между планом выражения и планом содержания, т.е. желаемое воспринимается как действительное, несмотря на условность самих синтаксических конструкций, посредством которых автор концептуализирует свою мысль. Эта особенность отличает два представленных отрывка друг от друга: учитывая схожесть используемых в них глаголов, возникающий эмоционально-экспрессивный фон, тем не менее, в каждом случае разный и регулирует смыслы активизированных сегментов концептуального поля. Это позволяет нам рассматривать последние два отрывка как самостоятельные способы стилистического использования повторов при синтаксической организации текста.

В отличие от первого отрывка, в последнем уже обозначен набор концептуальных смыслов, имеющих культурно-нравственную основу, который развернуто представлен в виде завершающего данный отрывок предложения: *фаэзары мад йæ сывæллонæн йæ афынаейы агъоммæ* «поет мать ребенку своему перед его сном».

Таким образом, мы можем наблюдать случай использования автором стилистических повторов слов и синтаксических конструк-

ций не только для развития сюжета и в качестве средств связи частей текста, но для создания и транслирования «идейно-значимых понятий» [15, с. 92].

Частота использования повторов, выстроенных именно таким перекрестно-линейным образом в художественном дискурсе, позволяет нам классифицировать их как регулятивные средства, а сам прием относить к особенностям идеостиля произведений Сергея Хугаева. Именно так автор устанавливает и контролирует контакт с читателем, формирует и регулирует степень и форму подачи информации, в том числе и идей морально-нравственного и ценностного содержания.

«Сравнивая концепты свойственные различным национальным культурам, мы замечаем, что в ряде случаев мы сталкиваемся с асимметричной представленностью единиц в сопоставляемых культурах. Такая асимметричность неоднородна. Ее крайней степенью является лакунарность – значимое отсутствие определенных признаков и единиц в одной системе по сравнению с другой» [6, с. 95]. Вследствие этого мы часто сталкиваемся с трудностями передачи концептуальных смыслов, передаваемых лексической единицей одного языка посредством другого. Так, к примеру, слово *æвдæлон* «свободный», изменяя свой морфологический статус, меняет и смысловые оттенки от нейтрального 'быть не занятым' до 'пребывать в безделье', а в составе речевых формул 'быть опустошенным', 'потерять близкого'.

Æмæ æнæвдæлонгъуыз уыдысты адæм дæр æмæ машинæтæ дæр. Фæлæ йæ 'мбары Милуан, хорз æй æмбары – уый зынгæ афтæ кæны, цыма æнæвдæлон сты. Æнæуи та æвдæлон сты, тынг æвдæлон сты. Афтæ æвдæлон сты æмæ, сæ *фырæвдæлонæй сæхи цы фæкæной, уый нæ зонынц*. Уыцы рауай-бауай дæр æмæ раскъæр-баскъæр дæр уымæн кæнынц уынгты. Уый дуне у æнæвдæлон, ацы стыр дуне. Стæй ноджы дуг. Уыдон æнæвдæлон сты, афтæ æнæвдæлон сты æмæ сæ фæстæмæ фæкæсынмæ дæр не 'вдæлы. Æмæ царды, æвæцæгæн, дызгъуын æмæ æххæл бынæтгæ уымæн зыны: адæм – æвдæлон, дуне æмæ дуг — æнæвдæлон. [13, с. 12]

«И были с *занятым* видом и люди, и машины. Но понимает Милуан, хорошо понимает – это только с виду кажется, что они *заняты*. А так они ничем *не заняты*, совсем *не заняты*. Настолько ничем *не заняты*, что не знают, куда себя деть от этой *незанятости*. Поэтому они так бегают и ездят в суете туда-сюда по улицам. Это мир *занят*, этот большой мир. И эпоха. Они *заняты*, настолько *заняты*, что некогда им оглянуться назад. Поэтому, наверное, в жизни столько странных и непонятных моментов возникает: люди – *не заняты*, время и мир – *заняты*». Здесь использован тот же перекрестный прием, с той лишь разницей, что стилистически обыгрывается семантически антонимическая, но морфологически подвижная пара *авдаелон уын – сенавдаелон уын* «быть занятым – быть незанятым», «занят – не занят». Такая морфологическая подвижность возникает из-за грамматических особенностей осетинского языка, в котором именные части сложного глагола при отсутствии вспомогательной глагольной части способны выступать в качестве той или иной самостоятельной именной части речи в зависимости от контекстного окружения и оформления синтаксической конструкции [4, с. 5]. В данном отрывке эмоциональный фон отличается определенной размеренностью, которую автор выдерживает для того, чтобы дать возможность читателю следовать за рассуждениями героя и вместе с ним прийти к совместному аксиоматичному выводу, которым, как и в предыдущем отрывке, он заканчивает: *адам – авдаелон, дуне аема дуг – сенавдаелон* «люди – свободны (от дел), мир и эпоха – заняты». Такой вывод провоцирует дальнейшие размышления, но уже со стороны адресата /читателя, что, собственно, и можно охарактеризовать как «сотворчество», т.е. совместный процесс познания, в котором автор произведения всегда использует свои языковые средства регуляции.

Таким образом, на примере художественной прозы Сергея Хугаева был проведен лингвистический анализ, который позволил определить основные приемы стилистического использования языковых единиц и способы их воздействия на читателя, в числе которых особенно выделяются приемы контекстного использования нейтральных глаголов при построении синтаксических с повторами слов.

Нами выделены линейный, перекрестный и смешанный типы повторов, каждый из которых отличается особыми регулятивными способностями, целевыми установками и эмоциональной интенсивностью. Разбор выявленных типов повторов показал разную степень активизации фоновых знаний и позволил обозначить механизмы формирования и воздействия концептов-регулятивов.

Список литературы

1. Багаев Н.К. Современный осетинский язык: Учебное пособие для вузов. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство. Ч. I, 1965. 487 с.
2. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М.: КомКнига, 2007. 288 с.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т.1. М.: Педагогика, 1982. 486 с.
4. Габараев Н.Я. Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке. Тбилиси: Изд-во «Мецниереба», 1977. 175 с.
5. Грамматика современного осетинского языка. / Под. ред. Г.С. Ахвледиани. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Северо-Осетинской АССР. Т. I, 1963. 367 с.
6. Карасик В.И. Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 95-108.
7. Моргоева Л.Б. Экспрессивность разноуровневых единиц языка (на материале оосетинского и русского языков). Владикавказ: ИПО СО-ИГСИ, 2009. 248 с.
8. Петрова Н.Г. Лексические регулятивные цепочки в аспекте читательского восприятия // Вестник ТПГУ. 2005. Вып. 3 (47). Серия: Гуманитарные науки (Филология). С. 53-58.
9. Петрова Н.Г. К вопросу о соотношении понятий «рефлексив» и «регулятив» // Сибирский филологический журнал. 2016. С. 219-225.
10. Позняк Л.П. Этноспецифические особенности вербализации концепта *слава* в национальной картине мира британцев // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. №1, том.1, 2019. С. 85-95.

11. Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. М.: Наука, 1987. 140 с.
12. Хугаев С.З. Колыбель Коста: повести и рассказы. Владикавказ: Ир, 2018. 391 с.
13. Хугаев С.З. Грозди винограда: повести и рассказы. Владикавказ: Ир, 2014. 479 с.
14. Цопанова Р.Г., Каражаев Ю.Д. Отражение этносознания в экспрессивных конструкциях осетинского языка // Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. Приложение. № 10, 2005. С. 92-97.
15. Цопанова Р.Г. Повтор в системе стилистических средств (на материале осетинского языка) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. 2006. С. 92-95.

References

1. Bagaev N.K. *Sovremennyy osetinskiy yazyk* [Modern Ossetian language: textbook for universities]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. I, 1965, 487 p.
2. Borbot'ko V.G. *Printsipy formirovaniya diskursa: Ot psikholingvistiki k lingvosinergetike* [Principles of discourse formation: From psycholinguistics to linguosynergetics] Moscow: KomKniga, 2007, 288 p.
3. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika, 1982, 486 p.
4. Gabaraev N.Ya. *Morfologicheskaya struktura slova i slovoobrazovanie v sovremennom osetinskom yazyke* [Morphological structure of words and word formation in the modern Ossetian language]. Tbilisi: «Metsniereba» Publ., 1977, 175 p.
5. *Grammatika sovremennogo osetinskogo yazyka* [Grammar of modern Ossetian language]. Ordzhonikidze: Nauchno-issledovatel'skij institut pri Sovete Ministrov Severo-Osetinskoy ASSR. Vol. I, 1963, 367 p.
6. Karasik V.I. Kontsepty-regulyativy [Regulating concepts]. *Jazyk, soznanie, kommunikacija* [Language, consciousness, communication]. Moscow: MAKS Press, 2005, no. 30, pp. 95-108.

7. Morgoeva L.B. *Ekspressivnost' raznourovnevykh edinits yazyka (na materiale osetinskogo i russkogo yazykov)* [Expressiveness of different-level language units (based on the material of the Ossetian and Russian languages)]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2009, 248 p.
8. Petrova N.G. Leksicheskie regulativnye tseppochki v aspekte chitatel'skogo vospriyatiya [Lexical regulatory chains in the aspect of reader's perception]. *Vestnik TPGU* [TGPU Bulletin], 2005, no. 3 (47), pp. 53-58.
9. Petrova N.G. K voprosu o sootnoshenii ponyatii «refleksiv» i «regulativ» [On the question of the relationship between the concepts of “reflexive” and “regulative”]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian journal of philology]. 2016, pp. 219-225.
10. Poznyak L.P. Etnospetsificheskie osobennosti verbalizatsii kontsepta slava v natsional'noi kartine mira britantsev [Ethnospecific features of the verbalization of the concept of glory in the national picture of the world of the British]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N.Tatishcheva* [VGU Bulletin], 2019, vol. 1, no. 1, pp. 85-95.
11. Sidorov E.V. *Problemy rechevoi sistemnosti* [Problems of speech consistency]. Moscow: Nauka, 1987, 140 p.
12. Khugaev S.Z. *Kolybel' Kosta: povesti i rasskazy* [Cradle of Costa: short novels and stories]. Vladikavkaz: Ir, 2018, 391 p.
13. Khugaev S.Z. *Grozdi vinograda: povesti i rasskazy*. [Bunches of grapes: short novels and stories]. Vladikavkaz: Ir, 2014, 479 p.
14. Tsopanova R.G., Karazhaev Yu.D. Otrazhenie etnosoznaniya v ekspressivnykh konstruktsiyakh osetinskogo yazyka [Reflection of ethnic consciousness in the expressive constructions of the Ossetian language]. *Izvestija vuzov. Severokavkazskij region. Obshhestvennye nauki* [University proceedings. North Caucasian region. Social sciences], 2005, no. 10, pp. 92-97.
15. Tsopanova R.G. Povtor v sisteme stilisticheskikh sredstv (na materiale osetinskogo yazyka) [Repetition in the system of stylistic means (based on the Ossetian language)]. *Izvestija vuzov. Severokavkazskij region. Obshhestvennye nauki* [University proceedings. North Caucasian region. Social sciences], 2006, pp. 92-95.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Моргоева Лариса Батразовна, старший научный сотрудник отдела осетинского языкознания, кандидат филологических наук
*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра РАН
PCO-Алания
проспект Мира, 10, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362000, Российская Федерация
Lalik_m@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Morgoeva Larisa B., Senior Researcher of the Ossetian Linguistics Department, Candidate of Philological Sciences
*North Ossetian Institute of Humanities and Social Research, Vladikavkaz Scientific Center, Russian Academy of Sciences, North Ossetia-Alania
10, Prospect Mira, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362000, Russian Federation
Lalik_m@mail.ru
SPIN-code: 9547-1930
ORCID: 0000-0003-3725-754X
ResearcherID: J-5680-2018*